

"Работаю довольно много, но без особого удовольствия"

Судьба одесского историка С.Я. Борового в 1930-е годы в свете его малоизвестных писем

Многие годы историк Саул Яковлевич Боровой (1903-1989) олицетворял в Одессе не только разносторонне образованную личность, полиглота, педагога, специалиста в различных отраслях гуманитаристики (иудаике, русистике, украинистике, книговедении, палеографии), но и одного из немногих старых интеллигентов, переживших репрессии 1930-х годов. Известный еврейский историк Ю.И. Гессен в начале 1930-х годов причислял С. Борового к уходящему типу "русско-еврейской" интеллигенции¹, конкретнее, – "русско-еврейских историков". И все же, думается, что в культурной ориентации, системе личных и деловых связей С. Борового сосуществовали не только традиции русской и еврейской, но и западноевропейской, украинской и советской культур. Его мировоззрение выходило за узкие политические или культурно-национальные рамки.

В последние двадцать лет биография С. Борового привлекает повышенный интерес. Главными достижениями в изучении деятельности ученого следует признать издание его чрезвычайно ценных "Воспоминаний", проведение в Одессе конференции памяти С. Борового и выход в свет монографии херсонских историков В. Андреева и Н. Чермошенцевой.² Но вряд ли можно говорить об исчерпанности темы. Многие вехи жизни историка требуют дополнения и уточнения на основе нововыявленных источников, что утверждают и его ведущие биографы.

Важное значение в биографистике имеет реконструкция личных и деловых связей, которые создавали интеллектуальное поле деятельности ученого. Необходимым материалом для создания полноценной биографии личности, ее внутренних переживаний, мотивации, развития мысли и т. п. является эпистолярное наследие.

Основную канву для исследования своей жизни дал сам С. Боровой в своих воспоминаниях. Однако, как и любой подобный источник, воспоминания содержат лишь контуры событий. В частности, историк нечасто упоминал о своей переписке, не говоря уже о кратком пересказе ее содержания, как это делали некоторые другие мемуаристы. Личный же фонд С. Борового в Государственном архиве Одесской области содержит лишь весьма немного писем к одесскому историку, преимущественно второй половины XX в. Письма же С. Борового известны современным биографам в еще более ограниченном количестве, и опять же, – большинство из них относятся ко второй половине XX века – не самому "темному" периоду в его биографии. Привлекает внимание лаконичность боль-

шинства этих писем. Так, киевский профессор А. Введенский неоднократно упрекал С. Борового в чрезмерной краткости его писем: "Вы со мной в письмах все еще остаетесь раком-отшельником и человеком, застегнутым на все пуговицы"³. Рискнем связать это обстоятельство со сложными испытаниями, которые выпали на долю Саула Яковлевича в 1930-е годы, а затем и в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

В то же время 1930-е годы для С. Борового, в отличие от большинства его коллег (например, М. Слабченко), к счастью, не стали для него временем физической или интеллектуальной смерти. Из всех перипетий ему удалось выйти не только нравственным человеком, но и интеллигентом. Уже в 1961 г. А. Введенский писал С. Боровому: "Вы меня всегда радуете своей широтой своего замкнуто-отшельнического творчества. Живете по возможности без людей, но целиком для людей. И беседуете с людьми на темы от Адама и до наших дней... Вы в одном отношении совсем не современный историк, такую широту научных интересов умели иметь только историки прошлого, как, например, Р.Ю. Виппер. Одно слово – молодец, не на наш современный образец, людей узких, как узкая щелка. Чудесный Вы человек!"⁴ (к сожалению, эту блестящую и яркую характеристику до сих пор игнорировали биографы С. Борового).

Сегодня новые источниковедческие находки в питерских и киевских архивах позволяют полнее представить жизнь С. Борового в трудные 1930-е годы, которые он сам определял как "водораздел" в своей научно-литературной деятельности.⁵ В частности, публикуемые ниже письма С. Борового 1930-1936 годов иллюстрируют уже отмеченную нами "многовекторность" связей и культурных ориентиров одесского историка.

С одной стороны, его адресатом был выдающийся питерский/ленинградский еврейский историк и литературовед Сергей Лазаревич Цинберг (1873-1939). Письма С. Борового к С. Цинбергу сегодня хранятся в Санкт-Петербургском архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук. Этот архив не пользуется большой популярностью среди историографов и, наверное, поэтому до сих пор эти письма С. Борового малоизвестны. Исключением является монография московского историка Г.А. Элиасберг о С. Цинберге⁶. Приведя несколько предложений из писем С. Борового, историк совершенно справедливо отметила, что письма "свидетельствуют не только о заинтересованном внимании к научным исследованиям друг друга, но и о доверительных человеческих отношениях, установившихся между ними в то время". По мнению биографа, сохранившиеся в архиве С. Цинберга письма С. Борового, А. Гурштейна, И. Нусинова, Д. Гофштейна, И. Добрушина свидетельствуют об уважительном отношении к известному ученому со стороны "молодых", тех, кто искренне поддерживал идею создания советской еврейской культуры.

С. Боровой вспоминал, что познакомился с С. Цинбергом, о котором до этого знал только из литературы, во время поездки в Ленинград в декабре 1925 года⁷. Кроме того, он познакомился с С. Гинзбургом, Ю. Гессеном и другими классиками еврейской историографии, которые чрезвычайно благоприятно отнеслись к молодому историку как

к продолжателю лучших традиций. С. Боровой характеризовал С. Цинберга как чудеснейшего человека, самоотверженного ученого, мученика и праведника. Отношения между старшим и младшим историками приобрели "семейный" характер. С. Боровой вспоминал, что С. Цинберг говорил, что, "смотря на меня, он вспоминал своего сына, моего ровесника, умершего в ранней молодости". "Я верил, – говорил он, – что сын станет таким, как вы..." Надписывая посылаемые мне тома "Истории литературы", он называл меня "достойным представителем нового поколения" и своим "духовным сыном"...⁸

Нельзя сказать, что письма С. Борового рисуют совершенно новую картину его жизни в начале 1930-х годов. О своих мытарствах, вызванных нарастающим давлением "партийных ученых", он достаточно подробно писал в воспоминаниях. Однако письма чрезвычайно оживляют слова, записанные уже с достаточно ощутимой хронологической дистанции. В то же время к почти неизвестным биографическим фактам следует отнести упоминания С. Борового о своей поездке в Молдавию и на Кавказ, нереализованные научные планы изучения биографии Саббатая Цви и главное, в целом, они утверждают образ С. Борового как одного из последних носителей традиций классической еврейской историографии.

Еще менее, чем письма к Л. Цинбергу, известны письма С. Борового к выдающимся украинским ученым – историку Наталье Дмитриевне Полонской-Василенко (1884-1973) и книговеду и библиографу Юрию Алексеевичу Меженко (1892-1969). Эти письма раскрывают украинский вектор деятельности и научных связей одесского историка. До сих пор эпистолярными источниками для изучения этого аспекта служили только два письма С. Борового от января 1930 года к, по его словам, "наиболее прославленному и авторитетному знатоку Сечи" днепропетровскому историку Дмитрию Ивановичу Яворницкому.⁹

Очень лаконичное письмо С. Борового к Н. Полонской-Василенко при этом имеет большое источниковедческое значение, так как на сегодня является единственным документальным свидетельством личных связей между этими учеными. Более того, из текста письма четко видно, что историки были знакомы между собой лично и, скорее всего, это письмо не было единственным. Очевидно, историки познакомились во время работы Н. Полонской-Василенко летом 1927 г. в одесском архиве над документами Запорожской Сечи. Н. Полонская-Василенко, в частности, вспоминала, что в неукраинизованной Одессе с ней в архиве все общались на украинском языке.¹⁰ Вероятнее всего, среди этих людей был и С. Боровой, очень хорошо знакомый с этим фондом по научной и архивной работе.

Если воспоминания Н. Полонской-Василенко лишь чрезвычайно косвенно свидетельствуют о знании С. Боровым украинского языка, то это можно прямо утверждать на основании его письма к Ю. Меженко – в то время научному директору Ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Обстоятельства знакомства и сотрудничества с книговедом С. Боровой подробно описал в своих воспоминаниях. С 1922 по 1931 г. Ю. Меженко возглавлял Украинский научно-исследовательский институт книговедения, был редактором журнала "Бібліологічні вісті". С 1924 г. С. Боровой со-

трудничал с этим институтом и его изданием, главным образом, благодаря благоприятному отношению к нему Ю. Меженко. "Бібліологічні вісті" С. Боровой в дальнейшем называл лучшим книговедческим журналом за все время существования СССР. Ю. Меженко в его памяти остался как увлеченный, доброжелательный, очень энергичный и деятельный человек.¹¹ Письмо С. Борового позволяет установить малоизвестный факт увлечения историком филателией, а также свидетельствует о том, что высокие нравственные критерии в оценке коллег в отнюдь не высоконравственных условиях того времени он демонстрировал не только в своих позднейших воспоминаниях, но и откровенно формулировал в письмах к современникам. Дружбу и переписку с Ю. Меженко С. Боровой старался поддерживать и в послевоенное время, однако не нашел большого отклика у своего тогда уже киевского коллеги (с 1945 г. Ю. Меженко возглавил Библиотеку Академии наук УССР).¹² Возможно, причиной сдержанности Ю. Меженко была все нарастающая опальность одессита в условиях позднесталинского антисемитизма.

Несмотря на то, что пока не удалось обнаружить ответные письма упомянутых адресатов С. Борового, имеющиеся тексты важны не только для более полной реконструкции биографии одесского историка, но и его коллег. По этой причине считаю необходимым опубликовать в приложении полные тексты писем С. Борового с сохранением орфографических особенностей оригиналов.

**I. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
(Санкт-Петербург). – Фонд 86 (С.Л. Цинберга), опись 2, дело 207
(л. 4, 7 – конверты)**

**Письма С.Я. Борового к С.Л. Цинбергу,
Одесса – Ленинград**

Выражаем большую признательность за помощь в подготовке к публикации этих писем ведущему научному сотруднику Института восточных рукописей РАН Семену Мордуховичу Якерсону.

Письмо № 1, Листы 1-2

Одесса, 30 XII 930

Дорогой Сергей Лазаревич, очень хочу знать, что у Вас слышно? Как печально, что мне все не случается заскочить в Лнгград! Скоро ли ожидаете 3-ий том своей "истории"¹³ и т. д.? Буду очень-очень рад получить от Вас какую-нибудь весточку, хоть и самую краткую.

О себе много нового рассказать не могу. Очень занят. Служба, кое-ка-

кие лекции и т. д. Довольно много должен писать: статьи для книги "Очерки по истории евреев на Украине", пишу также статьи для Аксеновского академического издания. "Сечь"¹⁴ моя еще пока не печатается, хоть и лежит несколько месяцев в типографии. Это меня весьма нервирует. Настроение вполне среднее. Вот приблизительно все. Если ко всему этому прибавить бесконечную суету заседаний, совещаний и т. д., то, сами понимаете, что для "жизни" почти не остается.

Знаете ли что-нибудь о Сауле Моис¹⁵?

С искрен. уважением и приветом

С. Боровой

P. S. Можно ли где-нибудь достать "Еврейскую старину"¹⁶?

Письмо № 2, Лист 3

Одесса, 18 января 1931

Дорогой Сергей Лазаревич,

Я застал Ваше милое письмо, вернувшись из столицы Молдавской республики (Тирасполя), куда ездил по приглашению их НКПроса¹⁷ для консультации по вопросам организации научной биб-ки. Там имел поучительные встречи с евреями, созидателями молдавской культуры, языка и литературы (почти все – идиш¹⁸ – молдавск. писатели *ex nostru*¹⁹). Как вы видали, и я занимаюсь любимым делом – между делом. (Совсем недавно, наприм., вышла моя книга по вопросам научно-библиотечного строительства на украинском языке.)

Я не вижу сейчас "Литовский еврейский журнал"²⁰, так что не знаю, что там написано о моей Сечи (не могли вы послать мне вырезку). Сообщаю Вам, что эта работа будет печататься *в первую очередь* на идиш²¹ в издании Еврейского Института Академии Наук Украины (кажется, отдельным изданием); причем обещают довольно скоро сдать ее в печать. (Уже потом она появится по-украински в другом издании.) Надеюсь, что летом она сможет выйти. Размером работа небольшая: с приложением листов 7. Но я считаю, что по своим *материалам*, она совершенно исключительно интереса и ломает установившиеся представления об еврейской жизни на Украине 17 и, особенно, 18-го веков. В основу ее положены оставшиеся неизвестными архивные материалы из *запорожского* архива (в том числе один документ на идиш²²) – результат моих утомительных поисков, – а также обширная литература (мало давшая). Я все надеюсь, что мне удастся побывать в Ленинграде, тогда познакомиться с ней подробно. Если же нет – пошло на прочет, если у Вас будет такое желание.

Понимаю хорошо истоки Вашего эгегического настроения, но уверен, оно обосновательно. Не сомневаюсь, что буду иметь возможность приветствовать Вас с окончанием Вашей "Истории", которая займет такое почетное место в нашей литературе.

Пару недель назад здесь промелькнул тов. Дашевский²³ (на пути в Евпатории). Был у меня и произвел весьма неопределенное впечатление.

Что это за фрукт?²⁴

Не забывайте
Преданного Вам
С. Борового

Письмо № 3, Листы 5-6

Одесса, 30. VI 31.

Дорогой Сергей Лазаревич,

Спешу ответить Вам на Вашу открытку. Я, как видите, в Одессе, где пробуду еще не менее месяца. В Августе я рассчитываю уехать в Дом отд. Цекубу в Буюрнусе (Гурзуф), а в сентябре *мечтаю* о Москве и Ленинграде. Я подчеркиваю, "мечтаю", так как на М-ву и особенно Ленинград у меня вероятно не хватит наличности.

Все же кто знает, может быть через два-три месяца встретимся. Будете ли Вы в сентябре в Ленинграде? Должен ли писать, но для меня связан Лнгрд с Вами! "Сечь" моя Запорожская давно должна была бы выйти в свет (в "Истор. сборнике" Евр. Института в Киеве), но там печатание ведется, по истине, рабскими темпами. Мало того, не надеюсь увидеть эту работу раньше осени. За это время я написал еще очерки об Аксенфельде²⁵ (по вопросу о социал. корнях его творчества, в связи с отношениями мужчины и женщины²⁶, кот. пойдет во втором томе издания его сочинений (конечно, Вы видали первый том?) и очерки истории евреев на левобережной Украине XVII-XVIII в. И еще возился с разными вещами с разным успехом.

Кстати, две недели назад в Киеве на Всеукр. библиографическом совещании (на кот. и я присутствовал) мои "Нариси з історії євр. книги, 1925-26"²⁷, несколько запоздало стали предметом "дискуссии", и очевидно такая же мне предстоит и по исторической линии. Эх, хотелось бы Вас повидать и еще рассказать о разных делах своих. Как у Вас? Как подвигается работа над "Историей".

По моему, Вы сейчас уже работаете над самыми легкими (для Вас) частями. С нетерпением жду книги.

Крепко обнимаю Вас

С. Боровой

Письмо № 4, Листы 8 – 8 об.

Одесса, 28.VII 31

Дорогой Сергей Лазаревич,

Позавчера получил 3-ий том В. "Литературы", а дня два до этого Ваше письмо.

Сейчас, немного дней до отпуска, я как то особенно занят и мне не хочется в эти дни сверхмерного рассеянности²⁸ начинать эту книгу, которая требует особой настроенности – и по своей теме и по моему отношению к ее автору. Как дети десерт оставляю ее "на потом".

Вы вряд ли догадываетесь, что как раз тема этого тома мне особенно близка. Я начинал свои занятия еврейск. историей размышлениями над проблемами еврейского средневекового духа. Тогда же задумал большую работу о Сабатае Цеви²⁹ – для которой я все время что то делал, в последние годы – к сожалению, – совсем мало, подбираю материал. – Цеви я хочу рассмотреть, как своеобразную историческую материализацию многовековой идеологической подготовки; как трагическое и парадоксальное столкновение жизни, как она есть (экономика, политика, будни...) с миром идей... Я еще не оставил надежду, что когда нибудь напишу эту книгу. Но она должна быть результатом очень большой работы.

Недавно я закончил небольшой очерк по истории евреев на левобережья Украины XVII-XVIII в. Не думаю, что б его хорошо приняли и даже боюсь обвинения в ..... антисемитизме. Но думаю, что давно пора писать сурово и точно (без слащавости) о суровых и трудных вещах. Если сложатся благоприятно обстоятельства (у меня лично на это мало надежд), то я размахнусь и напишу курс истории евреев на Украине. Это очень трудная – во всех отношениях – тема.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за книгу и такое "созвучное" письмо.

Не забывайте
Преданного Вам
С. Боровой

Письмо № 5, Лист 9

Буюрнус (Гурзуф)

2.IX.1931

Дорогой Сергей Лазаревич,

8-ого числа рассчитываю выехать в Ленинград (где собираюсь провести 7-10).

Не удивляйтесь если получите (не наверное) по своему адресу телеграфно деньги из Одессы. Деньги будут для меня. Я позволил себе указать Ваш адрес, так как решительно еще не знаю, где остановлюсь.

Итак в надежде на скорое свидание

Ваш С. Боровой

Письмо № 6, Лист 10 – 10 об.

Одесса, 20.III.1932

Дорогой Сергей Лазаревич,

у меня гостит сейчас Ник. Осипович Тепер. В наших бесконечных разговорах мы часто вспоминаем вас. Н. Осип. с удовольствием вспоминает часы, проведенные недавно у вас. От него же я узнал, что вы были нездоровы, но уже оправились. Надеюсь, что сейчас вы себя совсем хорошо чувствуете: очень рад был бы получить от вас весточку.

У меня нового ничего нет. Работаю довольно много, но без особого удовольствия. Работы мои не печатаются, и трудно надеяться, что бы в ближайшем будущем что-либо появилось. Конечно, это меня весьма печалит.

Что у вас, выходит ли 4-ый том и т. д.?

Сердечный привет вашей супруге

Ваш С. Боровой

Разрешите сказать Вам спасибо за пару часов странных, не привычных, так несовременных. Я всегда ценил das Uneigennmüsse³⁰. Настоящее – в преодолении эпохи, среды, класса, типа. Все, что поддается раскрытию при помощи категории этих, не стоит и раскрывать. Этого не понимает ходячее суеверие. Не могу простить Вам того что Вы где то пытаетесь реабилитировать наших просветителей. Это – [?] и – мелкий. Челядь. Их не следует понимать, понять. Конечно, я не противник амнистии, и – даже наоборот. И во всех сферах. Но нельзя амнистировать властителей, власть имущих, а просветители и их идейки еще никогда так остро не давали себя знать, как именно теперь. Перелистываю с Саулом Як. Вашу Историю³¹: у него только 3 тома. Как хорошо, что Вы пустили в оборот разговорно-еврейский – молящийся [?] (простите эту абракадабру!).

Такое обилие странных, больших образов и несвоевременных, потусторонних, сторонних идей. Ибо есть тенденция в народнической и народнической среде урезать духовный паек до минимума и начинать историю евр. духа с Аксенфельдаи – "Коль мевасер"³². С этим нужно всячески бороться. Кастрация. Ваш монументальный, несвоевременный и так

современный труд – радостный, радующий труд. Молодец!³³ Привет искренний супруге, так гостеприимно принявшей незнакомца. Н. Теппер.

Письмо № 6, Лист 11

Одесса, 18.X.1932

Дорогой Сергей Лазаревич,

все узнаю насчет Вас из 3-их рук. Вот сегодня пишет мне милый Рафес³⁴ [?], что выходит Ваш 4-ый том и т. д. В душе порадовался за Вас.

Несколько времени назад вернулся из погибельного Кавказа, где совсем неплохо провел месяц. Сначала жил в прекрасной Теберде, потом *прошел* через Клухорский перевал (почти 3 тыс. метр. над ур. м.) по бывш. Воен.-Сухумской дороге, что бы проехать из Сухума сюда. Здесь же дома скучно и бесперспективно. Дела мои, как и раньше, прочно заморожены. Просто таки впадаешь в отчаяние. Писал Вам на эту тему раза 3. Ответа не было. За что?

Всего Вам доброго

Не забывайте
Ваш С. Боровой

II. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИУ). – Фонд 542, опись 1, дело 268, лист 142

Письмо С. Борового к Н.Д. Полонской-Василенко, Одесса – Киев

Одесса, 2.XI.35

Многоуважаемая Наталья Дмитриевна,

только на днях я узнал о постигшей Вас потере.³⁵ Позволю себе выразить свои чувства искреннего участия.

Понимаю, что эта потеря особенно тяжела для Вас сейчас, когда Вы все еще не у дел, лишены возможности вести свою привычную исследовательскую работу. Не попробуете ли Вы связаться с Ленинградскими академическими учреждениями. Мне кажется, что Вы смогли бы заинтересовать своими работами.

С искрен. уважением

III. ЦГАМЛИИУ. – Фонд 365, опись 1, дело. 335, лист 1 – 1 оборот

**Письма С. Борового к Ю. Меженко,
Одесса – Ленинград**

Одеса, 27.VIII.36

Дорогий Юр. Олексєєвичу,

ніяк не зрозумію, як це Ви довідалися, що я змінив приміщення. Це трапилося в самі останні дні й про це майже ще ніхто не чув й в Одесі.

Літо я провів на дачі під Одесою. Багато працював (писав). Але майже зовсім не відпочивав та почуваю себе так собі.

З великою охотою чекатиму на марки. На жаль в мене для Вас зараз нічого не має, але в близький час сподіваюсь, що зможу надіслати exlibris и та мабуть щось з марок.

Чи немає у В "піонерів" в 15 к., та Добролюбова (крім 10 к.)?

Про Л. І. Б. можу сказати таке: він *непоганий робітник*, але не досить симпатична людина, хоч це намагається не виявляти.

Є в нього не елементи подхалимства, кар'єризму; він страшенно любить бути адміністратором, залежних від нього людей він експлуатує... Так було принаймні в Одесі. Мабуть за цей час він змінився.

Повторюю: чекаю на марки!

Моя адреса: Короленко 11, кв. 31

З приветом С. Боровой

Днями повернувся з відпустки. Бачив лише один обіжник³⁶ з В. біб-ки³⁷ (про В. бібліографію періодики)

Надійшло через день-два відповідь.

Примечания

¹ Об этом феномене в целом см.: Клир Д. О русско-еврейской интеллигенции (К постановке вопроса) // Евреи в России: История и культура: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.А. Эльяшевич). – СПб, 1994. – С. 75-79.

² Чермошнцева Н.М. С.Я. Боровий як дослідник історії України / Автор. дис. канд. наук: 07.00.06. – К., 2009. – С. 9; Андреев В.М., Чермошнцева Н.М. Саул Боровий: єврейський вектор історії України. – Херсон, 2010. – 191 с.

³ Государственный архив Одесской области. – Ф. Р-7400, оп. 1, д. 6, л. 39-40, 79.

⁴ Там же, л. 27.

⁵ Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 168.

⁶ Элиасберг Г.А. "...Один из прежнего Петербурга". С.Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист. – М., 2005. – С. 117-118.

⁷ Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 130.

⁸ Там же, с. 183-184.

⁹ Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького. – Вип. 1: Листи вчених до Д.І. Яворницького / Упоряд.: С.В. Абросимова, А.І. Перкова, О.В. Піцик. Н.Г. Чередник. – Дніпропетровськ, 1997. – С. 99-100.

¹⁰ Ульяновський В. Наталя Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: сторінками життєпису // Полонська-Василенко Н.Д. Історія України. – Т. 1. – К., 1995. – С. XLII.

¹¹ Боровой С. Воспоминания. – М.: Иерусалим, 1993. – С. 131.

¹² Публикацію нескольких послевоенных писем С. Борового к Ю. Меженко см.: Музичко О.Є. Взаємодія Одеського та Київського книгознавчих осередків у листуванні одеситів С.Я. Борового, Ф.Є. Петруня, І.Я. Фааса з киянами Ю.О. Меженко та Б.І. Зданевичем // Вісник Одеського національного університету. Серія Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – 2010. – Т. 15. – В. 20.

¹³ Имеется в виду фундаментальный труд С. Цинберга "История еврейской литературы европейского периода", над которым он работал с 1915 г. Он рассмотрел около тысячи лет еврейского творчества в Европе на иврите, арамейском, арабском и идиш, а также на нееврейских языках. Первые четыре тома (от испано-арабского периода до истории литературы на идиш) были написаны С. Цинбергом на русском языке в 1915-20 гг. Однако на русском языке вышла в свет только первая книга, посвященная испано-арабскому периоду (Киев, 1920; на обложке и заглавном листе – 1919). Кроме того, выходили в свет отдельные работы, представляющие собой отрывки из "Истории". Одна статья вышла на иврите ("Хе-Авар"; 1918). Попытки перевести весь труд на иврит в 1918 г. и в середине 1920-х гг. при поддержке Х.Н. Бялика и др. не увенчались успехом. В то же время С. Цинберг начал переводить весь труд на идиш, с конца 1920-х гг. он печатался в Вильно под названием "Тешихте фун дер литератур бай иди" (тт. 1-8, 1929-37; т. 9, Н.-Й., 1966). Публикация на идиш реализовала идею книги – открыть читателям на идиш мир литературы на иврите и таким образом сблизить обе литературы и их читателей. Задачу книги С. Цинберг видел в том, чтобы дать по возможности полную картину всего еврейского духовного и культурного творчества, причем он учитывал три фактора: хронологический, географический и языковой. Труд С. Цинберга сочетает элементы популяризации и научного исследования, основывающегося на первоисточниках.

¹⁴ Боровой С.Я. Евреи в Запорожской Сечи // Исторический сборник. – Вип. 1. – 1934. – С. 141-190.

¹⁵ Гинзбург Саул Моисеевич (1866-1940) – историк евреев. В 1930 г. эмигрировал из СССР. В 1920-е годы был одним из вдохновителей и помощников С. Борового в занятиях историей евреев.

¹⁶ "Еврейская старина" – историко-этнографический журнал, который выходил в 1909-1930 гг. под редакцией Ш. Дубнова и С. Цинберга.

¹⁷ Народный комиссариат народного просвещения – советский руководящий административный орган просвещения.

¹⁸ Слово "идиш" написано на языке идиш.

¹⁹ "Бывшие наши" (лат.).

²⁰ Название журнала написано на языке идиш.

²¹ Слово "идиш" написано на языке идиш.

²² Слово "идиш" написано на языке идиш.

²³ Возможно, речь идет о Пинхасе Израилевиче Дашевском (1879-1934, ?) – деятеле сионистского движения.

²⁴ Слова "Что это за фрукт?" написаны на иврите.

²⁵ Аксенфельд Израэль (1787-1866) – еврейский романист и драматург на языке идиш. В 1824 г. И. Аксенфельд поселился в Одессе, где занимался адвокатской практикой и торговлей. В 1864 г. переехал в Париж. Автор 30 романов и пьес, проникнутых духом просветительства, сочувствием к тяжелому положению евреев в черте оседлости и резко сатирическим отношением к хасидам и особенно к хасидским цадикам. Написанная С. Боровым вводная статья ко второму тому собрания сочинений И. Аксенфельда осталась неопубликованной. Лишь гораздо позже С. Боровому удалось опубликовать статью "Исроэл Аксенфелд (биографисер этюд)" ("Израэль Аксенфельд (биографический этюд)") в сборнике "Менделе ун зайн цайт" ("Менделе и его время", М., 1940).

²⁶ Слова "отношения мужчины и женщины" написаны на языке идиш.

²⁷ Боровой С.Я. Нариси з історії єврейської книги // Біблїологічні вісті. – 1925. – № 1-2. – С. 47-58; 1926. – № 1. – С. 36-48.

²⁸ Слово написано на языке идиш.

²⁹ Саббатай Цви (1626-1676) – выдающийся деятель еврейского мессиянского, саббатянского движения, паломник.

³⁰ Дружеское времяпрепровождение, общение (нем.).

³¹ Слово "История" написано на языке идиш.

³² Название журнала написано на идиш – "Голос вестника", еженедельник на идише, который выходил в Одессе в 60-е годы XIX в. (приложение к ивритскому журналу "Ха-мелиц").

³³ "Йишар кохаха" – молодец! здорово! продолжай в том же духе! Одобрительное приветствие на языке идиш по случаю удачного выступления артиста или работы сочинителя.

³⁴ Возможно, речь идет о Моисее Григорьевиче Рафесе (1883-1937) – еврейском общественно-политическом деятеле, мемуаристе и историке еврейского общественного движения.

³⁵ Имеется в виду смерть 3 октября 1935 г. в Киеве мужа Натальи Дмитриевны, выдающегося украинского историка, академика Всеукраинской Академии наук Николая Прокофьевича Василенко (1866-1935).

³⁶ Обіжник – циркуляр.

³⁷ "Всенародна бібліотека України" – основана в 1919 г. Предшественник современной Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

